

ВѢСТНИКЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА,

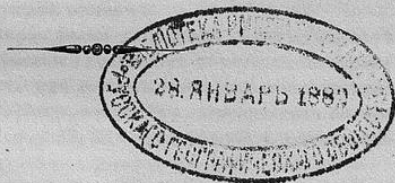
ИЗДАВАЕМЫЙ

ПОДЪ РЕДАКЦІЮ СЕКРЕТАРЯ ОБЩЕСТВА

В. А. Милютина.

1853.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА.

1853.

п. 26558.

VII.

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ И СТАТИСТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

1. ЭКСПЕДИЦИИ, ПУТЕШЕСТВІЯ И ОТКРЫТІЯ.

СВѢДѢНІЯ ОБЪ ЭКСПЕДИЦІИ, СНАРЯЖЕННОЙ ДЛЯ ОПИСИ АРАЛЬСКАГО МОРЯ, ВЪ 1848 ГОДУ (*). До 1848 года Аральское море изображалось на картахъ только по рекогносцировкамъ, произведеннымъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, по поверхностнымъ маршрутнымъ съемкамъ на западномъ берегу и—главное—по собраннымъ отъ Киргизовъ распроснымъ свѣдѣніямъ. Въ 1846 году, г. астрономъ Леммъ былъ командированъ въ Киргизскую степь для опредѣленія ряда астрономическихъ пунктовъ отъ Орской крѣпости до Сыръ-Дарьи. Въ 1847 году перевезли для описи Аральскаго моря разобранную шкуну «Николай», длиною въ тридцать-пять футовъ, построенную по образцу каспійскихъ рыболовныхъ судовъ. По собраніи ея, она успѣла въ то лѣто сдѣлать только съемку части восточнаго берега на семьдесятъ верстъ къ югу отъ Сыръ-Дарьи, съ прилегающими островами, и части острова Кугъ-Арала. Въ первую половину лѣта 1848 года, гг. Акишевъ и Головъ (Корпуса Топографовъ) произвели на шкунѣ «Николай» планшетную съемку всего сѣвернаго берега, отъ устья Сыра до мыса Кумъ-Су-ата.

Въ началѣ 1848 года, я имѣлъ честь быть назначенъ начальникомъ описной экспедиціи Аральскаго моря. Прибывъ въ

(*) Читано въ общемъ собраніи Общества 20 декабря 1852 года.

Оренбургъ, 5 марта, я немедленно приступилъ къ постройкѣ шкуны «Константинъ», длиною въ пятьдесятъ футовъ, плоскодонной, которую кончилъ 28 апрѣля, разобралъ и перевезъ на телегахъ черезъ степь къ Раиму (нынѣшнему Аральскому укрѣпленію), гдѣ собралъ ее снова, спустилъ на Сырь-Дарью 20 іюля, а 25 іюля отправился къ описи, оставя шкуну «Николай» въ рѣкѣ.

Результаты перваго плаванія моего по Аральскому морю, длившагося до 23 сентября (я долженъ былъ возвратиться въ Сырь-Дарью гораздо ранѣе, чѣмъ желалъ, по причинѣ обмелѣнія фарватеровъ дельты рѣки подь-осень),—результаты этого плаванія были слѣдующіе:

- 1) Общая рекогноспировка всего моря,
- 2) Промѣръ глубины по разнымъ направленіямъ,
- 3) Опредѣленіе широтъ многихъ мѣстъ,
- 4) Съемка острова Барса-Кильмеса, и
- 5) Открытіе и съемка группы острововъ, названныхъ мною Царскими Островами, до меня совершенно неизвѣстныхъ даже Киргизамъ.

Наибольшій изъ этихъ острововъ, *Николай I*, весь покрытъ степнымъ лѣсомъ (саксаулъ, джангылъ и проч.), и единственные его обитатели — безчисленное множество сайгаковъ (родъ дикихъ козъ). Никакого слѣда пребыванія человека, и лучшимъ доказательствомъ того, что здѣсь никогда не ступала человеческая нога, было то, что сайгаки, чрезвычайно чуткіе и пугливые въ Киргизской степи, не бѣгали отъ насъ, а напротивъ, разсматривали насъ, какъ будто съ любопытствомъ. Такая наивность не могла продолжаться: послѣ двухъ мѣсяцевъ плаванія на соеной пищѣ, при сильныхъ жарахъ и безпрестанныхъ трудахъ, утомленные и голодные, мы были рады дорваться до лакомаго мяса этихъ животныхъ и отъѣдались имъ съ наслажденіемъ.

Зиму съ 1848 на 1849 годъ я провелъ на островѣ Косъ-Аралѣ, при устьѣ Сыра, въ маленькомъ фортѣ, защищающемъ нашу рыболовную ватагу, принадлежащую Оренбургской компаніи.

Единственнымъ замѣчательнымъ происшествіемъ зимовки моей была охота на тигра въ нашемъ сосѣдствѣ. По возвращеніи моемъ въ Сырь, первая услышанная мною новость была та, что *джулбарсъ* (татарское названіе тигра) «зарѣзалъ» четырехъ коровъ рыболовной компаніи, пасшихся на одномъ изъ островковъ дельты. Недѣли черезъ двѣ Киргизы рассказали мнѣ, что джулбарсъ съѣлъ двухъ человекъ и множество барановъ, и тогда по-

казались совершенно свѣжіе слѣды его на пескѣ около самаго форта и на взморьѣ; наконецъ, 21 ноября, прикащикъ рыболовной компаніи пришелъ ко мнѣ съ извѣстіемъ, что джубарсъ зарѣзалъ у нихъ лошадь, въ трехъ верстахъ отъ Косъ-Аральскаго форта. Надобно было истребить такого сосѣда, во что бы ни стало, и я тотчасъ же выступилъ противъ него съ половиною моего гарнизона; мы сдѣлали облаву поперекъ песчаной косы, оканчивающей островъ Косъ-Араль къ сѣверу, и, благодаря Бога, върѣ былъ убитъ безъ малѣйшаго вреда охотникамъ. То былъ настоящій *tigre-royal*, съ ярко-оранжевой шкурой, съ черными полосами, необыкновенно жирный и длиною въ шесть футовъ четыре дюйма, отъ морды до начала хвоста. Тигры постоянно бродятъ около Раима, а въ-особенности зимою, не-взирая на морозы. Зимою они держатся въ камышахъ, и шерсть ихъ чрезвычайно густа и пушиста. Дѣлая обзорѣніе восточнаго берега моря, я находилъ, во многихъ мѣстахъ, совершенно свѣжіе тигровые слѣды на пескѣ взморья. Почти каждый годъ наши солдаты и казаки убивали ихъ по два, по три и даже по четыре. Теперь, съ успѣхами охотности, они являются, однако, рѣже.

Я началъ слѣдующую компанію 5 мая. Поручивъ г. Поспѣлову, командиру шкуны «Николай» и сотруднику моему въ плаваніи 1848 года, описать восточнаго берега, съ прилегающими островами, и промѣръ глубины въ сѣверной части моря, я предоставилъ себѣ остальные берега, опредѣленіе астрономическихъ точекъ и морской промѣръ. Благодаря Бога, все удалось намъ какъ нельзя лучше, при неутомимомъ, исполненномъ самоотворженіи, усердіи всѣхъ нашихъ сподвижниковъ. Не-взирая на риски, нерѣдко дерзкіе, невзбѣжные при описной экспедиціи на водахъ бурливыхъ и вовсе неизвѣстныхъ, не взирая на всѣ лишенія, удары о мели и подводные камни, мы возвратились отъ трудовъ нашихъ въ-цѣлости и съ полными комплектами здоровыхъ командъ. Вообще говоря, для подобныхъ экспедицій никто не можетъ сравниться съ русскимъ человекомъ: онъ смѣливъ, расторопенъ, послушенъ, терпѣливъ и любитъ приключенія — мудрено обезкуражить его, онъ смѣется надъ лишеніями, и опасности имѣютъ въ глазахъ его особенную прелесть. Команды моихъ судовъ состояли изъ матросовъ пополамъ съ пѣхотными солдатами; послѣдніе очень скоро привыкли къ новому для нихъ дѣлу, и двое изъ нихъ выучили даже компасъ и сдѣлались рулевыми.

Считаю пріятнѣйшимъ долгомъ воздать печатно полную справедливость г. Поспѣлову, за добросовѣстную и прекрасно выпол-

ненную опись восточнаго берега; гг. Рыбину и Христофорову, топографамъ на шкунахъ «Константинъ» и «Николайъ»; фельдшеру Истомину, который, кромѣ своихъ медицинскихъ обязанностей, былъ моимъ подштурманомъ и замѣчалъ, по хронометру, мои наблюденія, и унтеръ-офицеру Вернеру, также исправлявшему должность подштурмана и бывшему моимъ геологомъ и ботаникомъ, какъ будетъ сказано дальше.

Объ астрономической установкѣ Аральскаго моря считаю долгомъ сказать нѣсколько словъ въ объясненіе. Широты опредѣлены по полуденнымъ высотамъ солнца. Желая имѣть для своихъ долготъ независимый исходный пунктъ, я опредѣлилъ долготу Косъ-Аральскаго форта по двумъ разстояніямъ между солнцемъ и луною, одному восточному и одному западному, и потомъ привязалъ къ нему хронометрически всѣ остальные точки.

Сѣверный и восточный берега моря и острова: Кугъ-Аралъ, Барса-Кильмесь, Царскіе, Беллинсгаузена, Лазарева и всѣ вдоль восточнаго берега, сняты инструментально, береговою съемкой. Мысы Кумъ-Суатъ и Изенде-Аралъ поставлены по ихъ широтамъ и пеленгамъ отъ мыса Узунъ-Каира, исправленнымъ склоненіемъ компаса; а мысъ Тюбе-Кара и южная оконечность острова Барса-Кильмеса — по широтамъ же и исправленному пеленгу отъ Изенде-Арала. Склоненіе компаса я опредѣлялъ по азимутамъ солнца. Я началъ было производить инструментально и съемку западнаго берега, но, найдя это слишкомъ рискованымъ, по причинѣ сильныхъ вѣтровъ и прибора приглубаго берега, долженъ былъ ограничиться морскою съемкой, по счисленію и пеленгамъ съ судна. Южный берегъ и островъ Токмакъ-Ата сняты также съ судна. Сравнивая съемку западнаго берега, произведенную при весьма благопріятныхъ обстоятельствахъ вѣтра и хода, съ астрономически опредѣленными мысами Акъ-Тумсукомъ и Акъ-Суатомъ, я нашелъ ее почти совпадающею съ ними.

Не будучи ни геологомъ, ни натуралистомъ, но желая принести пользу наукѣ, я просилъ г. Гельмерсена снабдить меня инструкціей и совѣтами. Считаю долгомъ выразить искреннѣйшую благодарность мою Григорію Петровичу Гельмерсену за его ясную и положительную инструкцію, которой я старался слѣдовать сколько могъ. Я поручилъ одному изъ своихъ подчиненныхъ, унтеръ-офицеру Вернеру, собирать по ней образцы горныхъ породъ, измѣрять толщѣ пластовъ, наклонность ихъ и направленіе; онъ же собиралъ растенія, съ корнями и цвѣтомъ, по инструкціи, сообщенной мнѣ покойнымъ адмираломъ Ф. Ф.

Беллинсгаузеномъ. Геологическіе образцы были отправлены въ Музей Горнаго Института, и Г. П. Гельмерсенъ составилъ по нимъ описаніе, посланное имъ, на нѣмецкомъ языкѣ, къ барону А. Гумбольдту; а семьдесятъ-пять экземпляровъ при-аральской флоры были отправлены къ г. Фишеру, тогдашнему директору Императорскаго Ботаническаго Сада. Зоологія и орнитологія должны быть извѣстны изъ описаній Лемана и Базинера. На пустынныхъ берегахъ и островахъ безчисленное множество пеликановъ, баклановъ, чаекъ и мартышекъ: перелетная птица: лебеди, красные гуси и простые, и утки. Въ камышахъ восточнаго берега водится множество кабановъ, и, какъ я уже говорилъ выше, на пескахъ попадались, во многихъ мѣстахъ, слѣды тигровъ.

Берега Аральскаго моря представляютъ мертвую и безплодную пустыню. Сѣверный берегъ состоитъ изъ глинистыхъ столообразныхъ возвышенностей, отъ двухъ-сотъ до трехъ-сотъ футовъ высоты, обрывистыхъ къ югу и склоняющихся пологостью къ сѣверу; острова Кугъ-Аралъ и Барса-Кильмесь имѣютъ тотъ же характеръ. Около Чубаръ-Тарауза, заливчика подлѣ залива Перовскаго, есть прѣсная вода въ копаняхъ: сюда примыкаютъ пески Малые Барсуки. Восточный берегъ песчанистъ, съ холмами, состоящими изъ смѣшанной съ пескомъ глины и возвышающимися до осьмидесяти футовъ. Весь этотъ берегъ лѣсистъ, равно-какъ большая часть прилегающихъ къ нему песчаныхъ острововъ (растутъ саксаулъ, джангылъ, кунянь-суюкъ, изъ котораго Киргизы дѣлаютъ желтую краску, и проч.); закраины береговъ поросли густыми камышами. Восточный берегъ, къ югу отъ высохшихъ устьевъ Куванъ-Дарьи, изрѣзанъ глубоко-вдающимися заливами, съ мелкими входами. Вдоль него много крѣпко-соленыхъ озеръ; у меня была взята бутылка воды изъ одного изъ нихъ, для химическаго анализа, но она лопнула въ трескучіе морозы, при возвращеніи моемъ въ Петербургъ. На всемъ восточномъ берегу я находилъ въ копаняхъ только сильно горько-соленую воду: по этой причинѣ здѣсь не ходятъ и караваны. Острова Кушъ-Джитмесь, Чучка-Бась и Меншикова суть единственные, гдѣ въ копаняхъ была прѣсная вода. Западный берегъ составляетъ плоскою возвышенностью Усть-Урта, отъ двухъ-сотъ до трехъ-сотъ футовъ вышины, начинающеяся у Кара Тамака (Чернаго Горла), къ которому касаются пески Большіе Барсуки. Усть-Уртъ обрывистъ къ морю и состоитъ изъ перемежающихся пластовъ глинистаго сланца, известняка и песчаника; изрѣдка разбросанные по обрыву клочки яркой зе-

лени обнаруживаютъ присутствіе свѣжей воды въ копаняхъ и родничкахъ. Вдоль Усть-Урта ходятъ большіе караваны Киргизовъ. Я видѣлъ одинъ, верблюдовъ изъ пяти-сотъ; но этимъ животнымъ приходится пить морскую воду. Южный берегъ совершенно плоскъ и низменъ и состоитъ изъ рѣчныхъ наносовъ Аму-Дарьи; по немъ кочуютъ Каракалпаки, подданные хивинскаго хана.

Вода Аральскаго моря соленая, но въ гораздо слабѣйшей степени, чѣмъ въ океанѣ: ее можно сравнить съ водою Финскаго залива, верстъ за сто отъ Кронштата. Я полагаю, что причиною этого огромное количество прѣсной воды, вливаемое сюда двумя большими рѣками. Разъ, отставаясь на трехъ якоряхъ въ бурнахъ, у песчанаго берега, съ истощеннымъ запасомъ воды, мы были вынуждены употреблять около двухъ недѣль морскую воду въ пищу и на зитье; но это причинило намъ всѣмъ сильнѣйшіе поносы. И аральской морской воды лопнула у меня бутылка, въ морозы, на обратномъ пути въ Петербургъ.

Аральское море, по татарски Аралъ-Тынгызъ, т.-е. Островное море, раздѣляется у Киргизовъ на двѣ неравныя части: на Малое море—сѣверную часть, до южной оконечности острова Барсакельмеса, которая замерзаетъ почти каждый годъ, и по льду перекочевываютъ аулы съ верблюдами, табунами и стадами, — и на Большое море — все остальное, которое замерзаетъ только вдоль береговъ. Старики-Киргизы рассказывали мнѣ, что они слышали отъ своихъ отцовъ, будто бы разъ, въ необыкновенно жестокую зиму, замерзло все море: вѣроятно, что тогда и сайгаки перекочевали съ материка на островъ Николай I.

Уровень Аральскаго моря, по-видимому, постоянно понижается: это въ-особенности замѣтно по нѣкоторымъ утесамъ Усть-Урта и острова Николая, подмытымъ водою на высотѣ, до которой въ самые сильные штормы нынѣшнее волненіе достигать не можетъ. Дно Аральскаго моря, какъ можно видѣть на картѣ, представляетъ яму или впадину около с.-з берега, гдѣ наибольшая глубина была тридцать-семь сажень, тогда-какъ въ серединѣ я нигдѣ не находилъ больше четырнадцати или пятнадцати сажень. Грунтъ въ серединѣ и около сѣвернаго и западнаго береговъ — илъ, а около восточнаго и южнаго — песокъ, мѣстами съ ракушками. Подводныхъ камней въ Аральскомъ морѣ весьма мало: только по южную сторону полуострова Куланды и острововъ Николай I и Константинъ есть каменные рифы; остальное дно чисто.

Устья обѣихъ большихъ рѣкъ, впадающихъ въ Аральское море, весьма засорены наносами илу и песку; самый глубокий фарватеръ дельты Сыръ-Дарьи имѣетъ въ половодье отъ трехъ до трехъ съ половиною и рѣдко четырехъ футовъ глубины, а бываетъ и два съ половиною фута. Осенью, около Аральскаго укрѣпленія, вода въ рѣкѣ понижается фута на три съ половиною. Самая высокая вода въ Сыръ-Дарьѣ—въ іюнѣ и іюлѣ, когда въ горахъ верховьевъ ея таютъ снѣга; къ осени же, какъ я сказалъ, вода значительно падаетъ. Зимой ледъ лежитъ во многихъ мѣстахъ дельты на днѣ, и тогда вода продираетъ себѣ подъ нимъ путь и углубляетъ фарватеры, которые потомъ снова заноситъ иломъ и пескомъ. Значительное количество воды Сыра уходитъ въ озера и болота, наполняемая рѣкою и заросшія большей частью камышами. Берега рѣки также поросли высокимъ и густымъ камышемъ, доходящимъ въ вышину до двадцати футовъ.

Главныя рыбы въ морѣ и Сыръ-Дарьѣ: остроносый осетръ, или осетрій шинь, и сомъ; остальные породы почти тѣ же, что въ Уралѣ и Каспійскомъ морѣ. Настоящихъ же осетровъ, а также бѣлугъ, севрюгъ, стерляди и тюленей, здѣсь нѣтъ. Въ рѣкѣ и озерахъ много щукъ, жереховъ, судаковъ, сазановъ и проч.: раковъ не водится.

Сыръ-Дарья впадаетъ въ Аральское море двумя рукавами, по сѣверную и южную стороны острова Косъ-Арала; въ сѣверномъ рукавѣ, судходномъ для лодокъ и малыхъ плоскодонныхъ судовъ, глубина, какъ я говорилъ выше; южный же имѣетъ весьма слабое теченіе, заросъ большей частью камышемъ и кугдью, и при устьѣ, сильно занесенномъ рѣчными наносами и намываемымъ волнами моря пескомъ, весьма мелокъ. Прежде впадала въ море Куванъ-Дарья, также рукавъ Сыра; но теперь въ ней очень мало воды, и Киргизы, чтобъ не потерять той, которая накопляется при теченіи снѣговъ и служить имъ для водопоевъ и орошенія полей, запрудили устье верстъ на пятьдесятъ отъ моря. Теперь Куванъ-Дарья не вливается въ море ни капли воды. Лѣтомъ и къ осени вода держится въ ней только въ омутахъ и озерахъ. Старѣйшій *аксахаль* (бѣлая борода, старшина) рассказывалъ мнѣ, что встарину, лѣтъ за шестьдесятъ, въ Куванъ-Дарьѣ было больше воды, чѣмъ въ Сырѣ, и теченіе было такъ сильно, что ворожало камни; въ то время и южный рукавъ Сыра былъ главнымъ, по количеству воды и силѣ теченія. По его же словамъ, пересохла Янги-Дарья, которой мы не видали и слѣдовъ, также отдѣлявшаяся нѣкогда отъ Сыра, имѣла тогда воду

и весьма слабое теченіе. Вообще, сколько можно замѣтить, и соображаясь съ этими разсказами, должно заключить, что Сыръ-Дарья перемѣняетъ русла свои къ сѣверу. Берега ея, весьма низменные отъ Аральскаго укрѣпленія до устья, а равно и островки дельты, возвышаются постоянно отъ ежегодныхъ наносовъ при полноводьяхъ, въ періодъ которыхъ рѣка кажется желтою и очень мутна. Противъ Раима (Аральскаго укрѣпленія), и выше и ниже его, разливы рѣки удерживаются глиняными плотинами, устроенными нѣкогда кочевавшими здѣсь Каракалпаками и Киргизами, постоянно ихъ поддерживающими, отъ чего въ полноводья уровень рѣки выше засѣянныхъ мѣстъ и огородовъ, и орошать ихъ весьма легко и удобно.

О климатѣ тѣхъ странъ скажу только, что лѣтомъ тамъ весьма жарко и дожди величайшая рѣдкость, а зимою весьма холодно для этой широты. Такъ-какъ въ Аральскомъ укрѣпленіи есть метеорологическая обсерваторія, существующая около четырехъ лѣтъ, то г. академикъ Купферъ имѣетъ, безъ сомнѣнія, несравненно больше и несравненно лучшія климатологическія данныя, чѣмъ бы я могъ сообщить, и тѣмъ болѣе, что мои барометры не выдержали переѣзда степью. Въ зиму съ 1848 на 1849 годъ, которую я провелъ на Косъ-Аралѣ, морозы начались 22 октября, и наполняемая рѣкою озерки затянуло такъ, что я могъ кататься на конькахъ. Рѣка покрылась, однако, льдомъ 26 ноября и вскрылась 3 апрѣля. Зимою по ней возили тяжести и ѣздили на тройкахъ, и морозы доходили до 18° Р, при вьюгахъ, сильныхъ и частыхъ. Лѣтомъ же—жары нестерпимые, безъ дождей, и воздухъ очищается только господствующими вѣтрами, почти постоянно дующими между WNW и ONO, которые разносятъ испаренія прѣсноводныхъ камышей, столь злокачественныя въ другихъ странахъ. Въ морѣ эти вѣтры дѣлаютъ плаваніе весьма труднымъ: часто подвергали они насъ крайней опасности, задувая съ силою шторма, и вынуждали къ рискамъ, нерѣдко выходявшимъ изъ предѣловъ благоразумія. Вѣтры здѣсь крѣпчаютъ вдругъ, разводятъ огромное волненіе и потомъ, стихнувъ также скоро, оставляютъ послѣ себя самую несносную зыбь. Вообще говоря, Аральское море принадлежитъ къ числу самыхъ бурливыхъ и безпокойныхъ, но климатъ окрестностей его не вреденъ, хотя въ немъ мало пріятнаго.

Наконецъ, присовокупляю опредѣленные мною астрономическія точки, присоединивъ къ нимъ опредѣленные г. Леммомъ мѣста Раима (Аральскаго укрѣпленія) и Акъ-Джупаса, которыя я перевелъ на Гриничскій меридіанъ, принявъ разность

долготы между Гриничемъ и Ферро $17^{\circ} 45' 8''$. Наноса эти пункты на карту, я нашелъ, что они совершенно сходились съ отлично-выполненною здѣсь инструментальною съемкой, произведенною опытѣйшими топографами, и былъ этимъ очень доволенъ. Впрочемъ, надѣюсь разъяснить этотъ вопросъ въ-послѣдствіи наблюденіями звѣздныхъ закрытій и прохожденіями луны черезъ меридіанъ. Я не считалъ нужнымъ включить въ этотъ списокъ тѣ мѣста, которыхъ я опредѣлялъ одну только широту.

Астрономическіе пункты.	Широты С.	Долготы къ В. отъ Гринича.
Косъ-Аральскій фортъ (по разстоянію мѣсяца до луны)	46° 1' 17" 7	61° 1' 44" 6
Раймъ (Аральское укрѣпл.) } по г. Лем-	46 4 19	61 41 48
Могилка Акъ-Джуластъ } му.	46 41 32	61 43 43
Южный берегъ входа въ заливъ Чубарь- Тараузъ (подлѣ залива Перовскаго).	46 44 42 2	60 30 59 6
Мысъ Узунъ-Каиръ (Ю оковечн. полу- остр. Куланды)	45 46 3 5	59 17 44 9
Мысъ Акъ-Тумсукъ (на Усть-Уртѣ)	44 36 1 8	58 18 47 7
Мысъ Акъ-Суатъ (ЮЗ уголъ моря)	43 42 41 2	58 22 6 5
Островъ Николай I (южная бухта)	44 59 4 6	59 16 54 6
Островъ Беллинсгаузена	44 35 35	58 56 11
Островъ Ермолова (прот. Джанъ-Дары)	43 43 23 3	60 18 30 6
Мысъ Кунганъ-Санданъ (на восточномъ берегу)	44 52 43	61 46 44 8

А. БУТАКОВЪ.

Оренбургъ, 19 августа 1852.

ОСТРОВЪ АШУР-АДЕ. Этотъ островъ, лежащій, какъ извѣстно, у Астрабадскаго залива, получилъ свое названіе по имени Персіанина Ашура, который занялъ его первый, — вѣроятно, для рыбной ловли; окончаніе *адѣ* значитъ — островъ (*). Онъ находится подъ $30^{\circ} 51' 30''$ сѣв. шир. и подъ $53^{\circ} 52'$ вост. долг. отъ Гринича; при неправильномъ очертаніи, онъ имѣетъ около полуторы версты въ длину и до полуверсты въ ширину. На югъ отъ него, въ $10\frac{1}{2}$ верстахъ по ту сторону Астрабадскаго залива, лежитъ персидскій берегъ, а въ 10 верстахъ отъ этого берега начинаются горы Энезенкухъ, возвышающіяся на 12,000 футовъ надъ уровнемъ моря и идущія къ юго западу по областямъ Астрабадской

(*) Въ «Описаніи восточнаго берега Каспійскаго моря» И. О. Бларамберга островъ Ашуръ называется также Аширомъ.

ФН 20-83
101

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

VII 44.
I

802-18
955

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКИЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

А. КРАЕВСКИМЪ и С. ДУДЫШЕИНЫМЪ.

Т/64
ТОМЪ СLXIV.

N 1

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1866.

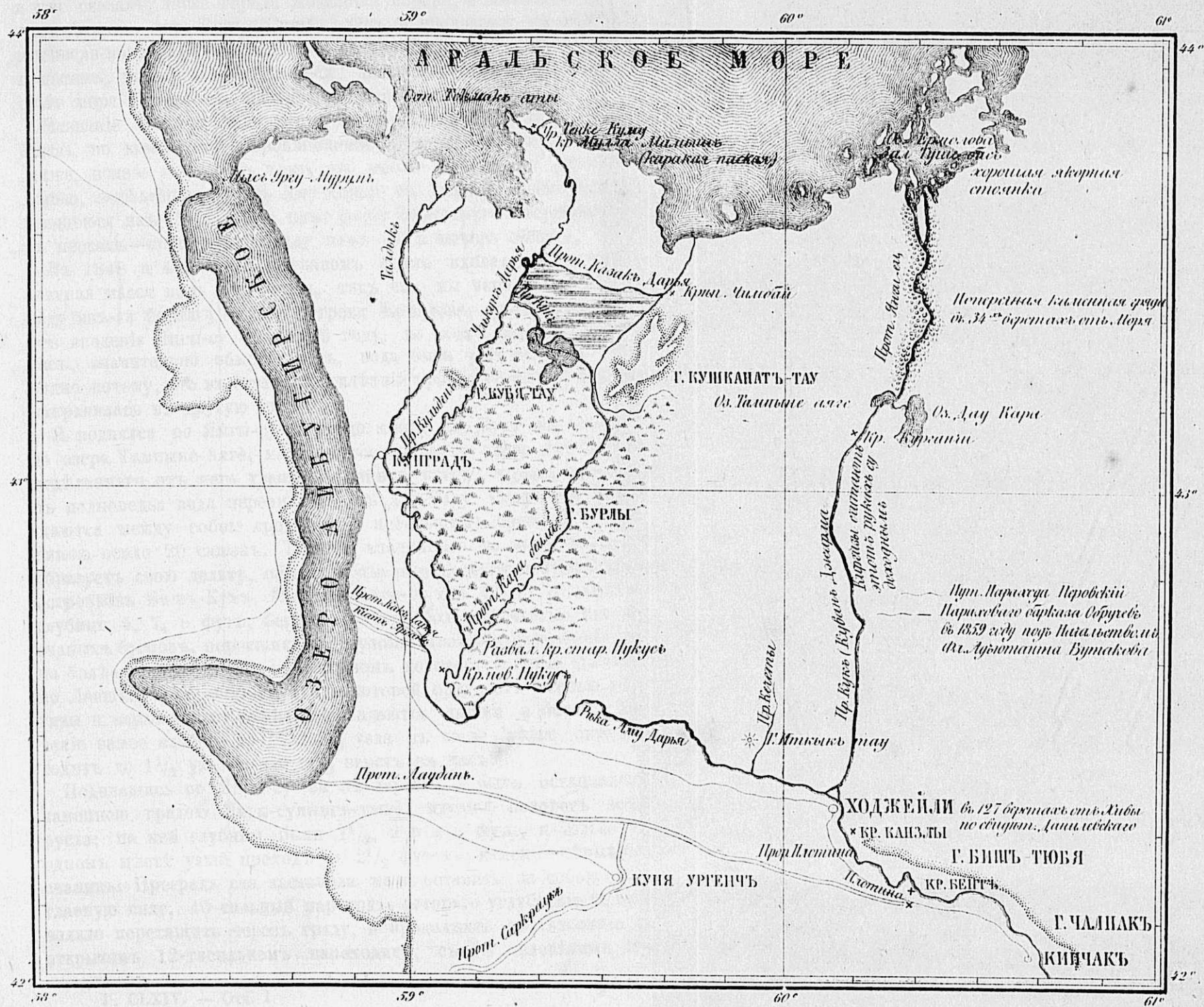
2224
H

ДЕЛЬТА И УСТЬЯ РЪКИ АМУ-ДАРЬИ.

Аму-Дарья, Оксусъ древнихъ, пройдя однимъ общимъ русломъ большую часть хивинскаго ханства, начинается развѣтвляться въ широтѣ около $42^{\circ} 12'$, долготѣ отъ Гринвича— $60^{\circ} 15'$, между городами Кипчакомъ и Ходжайли, раздѣляясь на многіе рукава, составляющіе ея дельту. На серединѣ пространства, занимаемаго дельтой, почва образуетъ родъ впадины, въ которую вода сливается изъ всѣхъ рукавовъ, кромѣ самаго западнаго, въ рядъ озеръ, болѣе или менѣе заросшихъ камышами, изъ которыхъ она потомъ снова стекаетъ въ отдѣльныя русла, впадающія въ Аральское море.

Дельта Аму-Дарьи заключается между двумя главными рукавами: Лауданомъ, отдѣляющимся отъ вершины ея влѣво, и Куванъ-Джармою или Кукомъ, отдѣляющимся нѣсколько ниже города Ходжайли вправо; послѣдній, передъ впаденіемъ въ море, принимаетъ названіе Янгы-су.

Теченіе Лаудана, равно какъ и внутренность заросшаго камышами озера Айбугира, черезъ которое онъ проходитъ, не изслѣдовано. Я осматривалъ устья его въ 1848, 49 и 58 годахъ, и нашелъ на барѣ глубины отъ $1\frac{1}{4}$ до $1\frac{1}{2}$ фута, при весьма слабомъ теченіи. Дно бара, проросшее корнями камышей, такъ твердо, что при мнѣ черезъ него проходилъ въ бродъ шедшій въ Россію караванъ изъ 1,500 верблюдовъ. Хивинцы, чтобъ держать отъ себя подальше и обуздывать кочующихъ вдоль Лаудана и озера Айбугира туркменъ-ямудовъ, которыхъ разбойничьи набѣги постоянно тревожатъ жителей западной окраины ханства, запрудили начало Лаудана плотиною, защищаемою крѣпостцею Бентъ. Туркмены, пользуясь частыми смутами въ Хивѣ, не разъ прорывали плотину, устроенную съ цѣлью лишать ихъ воды; но хивинцы при первой возможности исправляли ее снова. Когда плотина въ цѣлости, Лауданъ поддерживается отчасти водою, переливающеюся въ полноводья черезъ низменные берега Аму-Дарьи.

Восточный рукавъ, ограничивающій дельту, отдѣляется, какъ я уже сказалъ, ниже города Ходжайли вправо, и называется «Куванъ-Джарма» или Кукъ (Синій). Онъ направляется на сѣверъ и сѣверо-востокъ, наполняетъ озера Дау-Каръ и Тампынѣ-Аягѣ, и потомъ, подъ именемъ Янгы-су, впадаетъ въ заливъ Аральскаго моря Туще-басъ, противъ острова Ермолова.

Названіе Янгы-су или Янгы-Дарья (Новая Вода или Новая Рѣка), по киргизскому произношенію *Джангы-су* или *Джангы-Дарья*, подало поводъ къ тому, что многіе смѣшивали Джангы-Дарью, отдѣляющуюся изъ Аму-Дарьи, съ Джанъ-Дарьею, отдѣляющеюся изъ Сыръ-Дарьи ниже форта Перовскаго и теряющеюся въ пескахъ—тогда какъ между ними нѣтъ ничего общаго.

Въ 1848 и 49 годахъ, рукавомъ этимъ вливалась въ море главная масса водъ Аму-Дарьи, такъ что мы черпали прѣсную воду изъ-за борта у самаго острова Ермолова, въ 14 верстахъ отъ впаденія Янгы-су. Въ 1859 году, во всемъ заливѣ Туще-басъ, значительно обмелѣвшемъ, вода была уже соленая: очевидно потому, что въ этотъ десятилѣтній промежутокъ масса воды направилась въ другую сторону.

Я поднялся по Янгы-су и продолженію ея Куку въ 1859 г. до озера Тампынѣ-Аягѣ, находящагося противъ озера Дау-Каръ и отдѣленнаго отъ него узкою низменною косою, черезъ которую въ половодья вода переливается въ Дау-Кару. Озера эти сообщаются между собою кромѣ того небольшимъ протокомъ, шириною около 20 сажень. Передъ впаденіемъ въ море, Янгы-су образуетъ свою дельту, омывая нѣсколько песчаныхъ бугристыхъ островковъ Бишъ-Кумъ. Ширина Янгы-су отъ 40 до 70 сажень; глубины 5, 7, 8 футъ; берега состоятъ большей частью изъ песчаныхъ бугровъ, поросшихъ саксауломъ (*anabasis ammodendron*); на болѣе твердой почвѣ въ большомъ количествѣ джидъ (*tatarix*, по Левшину), за сборомъ ягодъ которой приходятъ осенью киргизы и каракалпаки; изрѣдка попадаются пашни и бахчи. Течение самое слабое: по $\frac{1}{2}$ и $\frac{3}{4}$ узла въ часъ; рѣдко оно доходитъ до $1\frac{1}{2}$ узловъ или $2\frac{1}{2}$ верстъ въ часъ.

Поднявшись по Янгы-су на 34 версты, я былъ остановленъ каменною грядою Янгы-суйннгъ-ташѣ, идущею поперекъ всего русла; на ней глубины были $1\frac{1}{2}$, 2 и $2\frac{1}{4}$ фута, и только въ одномъ мѣстѣ узкій проходъ съ $2\frac{1}{2}$ футами; камень—сѣрый песчаникъ. Преграда эта заставила меня оставить за собою свою главную силу, 40-сильный пароходъ, котораго углубленіе не позволяло перетащить черезъ гряду, и продолжать изслѣдованіе на открытомъ 12-тисильномъ пароходикѣ, съ 18 человѣками команды.

Каменное дно съ торчками, выходившими мѣстами почти до поверхности воды, тянется еще верста на 12 вверхъ отъ гряды. Промѣривая безпрестанно, я находилъ, что тотчасъ послѣ 7, 8, 9 футъ глубины, было 3 и 2 фута, и пароходить царапаясь о камни то съ той, то съ другой стороны; а затѣмъ снова 7 и 8 футъ. Въ этой части, берега съ обѣихъ сторонъ высокіе, глинистые и обрывистые, отъ 40 до 60 футъ вышины, покрытые кустарникомъ, весьма удобнымъ для засадъ. Явившись тутъ скоръ призомъ, мы не встрѣтили никого; но еслибъ туркмены племени чѣдуръ, расположенные около хивинской крѣпости Курганчѣ, построенной выше на Куку, успѣли въ время провѣдать о насъ, то человѣкамъ тремъ или четыремъ ничего бы не стоило перестрѣлять насъ сверху на выборъ, безъ малѣйшей опасности для себя.

Далѣе вверхъ отсюда рукавъ этотъ называется Куку (Синій), и течетъ между песчаными буграми, поросшими саксауломъ; мѣстами обмываетъ низменные острова, мѣстами разливаются въ стороны озера. Ширина отъ 50 до 80 сажень, глубины 5, 6, 7 и 8 футъ. За заросшимъ камышами озеромъ Тампыне-Аяге гора Чучка-басъ, на восточномъ краю которой хивинская крѣпость Курганчѣ, удерживающая въ покорности киргизовъ и каракалпакъ, кочующихъ и живущихъ въ этихъ мѣстахъ и около озера Дау-Кара.

Озеро Тампыне-Аяге и дальнѣйшее теченіе Кука мною не изслѣдованы: я былъ тамъ въ сентябрѣ, когда вода уже значительно упала, и кромѣ того было бы безумно-рисково пускаться въ глубь враждебной страны съ 18-ю человѣками, имѣя въ тылу хивинскую крѣпость, въ особенности зная, что во всемъ краѣ уже поднята тревога по случаю моего внезапнаго появленія у крѣпости Нукуса, о чемъ я буду говорить дальше.

Отдѣливъ отъ себя Куванъ-Джарму или Куку, Аму-Дарья течетъ на сѣверо-западъ и сѣверъ; но воды ея безпрестанно уменьшаются отдѣленіемъ въправо множества малыхъ протоковъ и одного большого, Карабайли, которые разливаются по низменностямъ и образуютъ заросшія камышами озера, откуда вода стекаетъ потомъ въ одно большое русло Улькунъ-Дарью (Великую Рѣку)—самый многоводный изъ всѣхъ рукавовъ, которыми Аму-Дарья впадаетъ въ Аральское море.

Прямо до моря, не прерываясь озерами, доходитъ только часть Аму-Дарьи, называемая ниже города Кунграда Талдыкомъ, подраздѣляющимся передъ впаденіемъ въ море на нѣсколько меньшихъ протоковъ. Талдыкъ составляетъ второе отъ запада изъ устьевъ Аму-Дарьи. Въ 1848 и 49 годахъ онъ имѣлъ весьма

быстрое теченіе и 3 фута глубины на барѣ; въ 1858 г. я нашелъ, что наносы его выдвинулись впередъ версты на двѣ противъ прежняго и на барѣ было только $1\frac{1}{4}$ и $1\frac{1}{2}$ фута глубины, а дно такое вязкое, что мы съ трудомъ вытаскивали ноги. По берегамъ Талдыка отличныя луговые мѣста, много пашень и бахчей.

Укрѣпленный городъ Кунградъ, главный базаръ и центръ управленія кунградской области, составляющей сѣверную часть хивинскаго ханства, расположенъ на лѣвомъ берегу Аму-Дарьи. Въ немъ отъ 6 до 8 тысячъ жителей: узбековъ, сартовъ, киргизовъ и каракалпакъ. Кромѣ такъ-называемаго ханскаго дворца съ прекраснымъ садомъ, гдѣ живетъ правитель области, главной мечети и обширнаго каравансарая, сложенныхъ изъ комьевъ глины, дома жителей весьма неказисты; улицы кривыя, грязныя, узкія, вонючія; базаръ весьма оживленъ; окрестности Кунграда тщательно воздѣланы: кругомъ поля, сады, бахчи, травосѣяніе—все это, разумѣется, при помощи искусственнаго орошенія.

Я осматривалъ талдыкское устье въ первый разъ въ 1848 г. Чтобы скорѣе узнать, который изъ протоковъ судоходенъ, мы выбродили большую часть въ первый же день, въ чемъ никто намъ не помѣшалъ; но дня черезъ два, когда я осматривалъ остальные протоки, насъ стерегли человѣкъ 50 хивинскихъ всадниковъ, посланныхъ ханомъ, чтобы захватить меня живого или мертваго. Они ѣхали по берегу, вдоль котораго я промѣривалъ глубины съ шлюпки, и не посмѣли прямо напасть на меня, хотя насъ всего было пятеро, но старались выманить меня на берегъ. Мы разговаривали съ большою любезностью; я говорилъ, что мы рыбаки, и желаемъ торговать съ ними, а они звали меня къ себѣ, предлагая продать рису, фруктовъ, изюму и проч. Увидѣвъ, что я удаюсь, кончивъ свое дѣло, они разсердились, спѣшили въ воду съ ружьями—но было уже поздно. Они ругнули насъ вслѣдъ, мои матросы со смѣхомъ отвѣтили тѣмъ же—и мы разстались.

Впослѣдствіи, перекочевавшіе на Сир-Дарью киргизы передали мнѣ довольно оригинальный рассказъ, слышанный ими отъ каракалпакъ о моемъ появленіи въ устьѣ Талдыка:

«На разсвѣтѣ показалась на морѣ превысокая бѣлая гора, которой верхушка говорила съ небесами (эффектъ марева на паруса); гора эта все шла и шла къ берегу, потомъ вдругъ остановилась и нырнула подъ воду (я спустил паруса, ставъ на якорь). Въмѣсто горы очутилась большая лодка; вскорѣ изъ большой лодки родилась маленькая и на ней русскій тюръ (начальникъ) разбѣжалъ передъ рѣкою и все втыкалъ въ воду черныя колья (я

промѣривалъ, сидя на рулѣ, чернымъ футштокомъ съ правой стороны, обращенной къ морю). Когда лодка ушла, посланные хивинскимъ ханомъ батыри (наѣздники) велѣли каракалпакамъ не премѣнно выдергать эти черные колья, чтобъ представить ихъ въ Хиву; но какъ тѣ ни старались, однако не нашли ничего—должно быть, колья были заколдованные.»

Скажу мимоходомъ, что слава о моихъ сверхъестественныхъ ресурсахъ не разъ выносила меня изъ крайне опасныхъ положеній. Такъ въ 1859 году, я очутился съ пароходомъ въ Улькун-Дарьѣ, о которой сейчасъ будетъ рѣчь, въ самой серединѣ всей хивинской арміи, лично предводительствуемой самимъ ханомъ, и на бѣду, поднимаясь по неизвѣстнымъ водамъ, сталъ на мель. Случай этотъ былъ описанъ въ «Морскомъ Сборникѣ» за 1860 годъ моимъ сослуживцемъ, г. Шенуриннымъ.

Хивинцевъ было 10,000 человекъ, при десяти мѣдныхъ орудіяхъ, отлитыхъ бѣглымъ фейерверкеромъ астраханскаго артилерійскаго гарнизона Семеномъ Петровичемъ*. Я былъ готовъ къ отпору, но не дѣлалъ перваго выстрѣла. Хивинцы, развѣзавшіе передъ моими судами въ продолженіе трехъ часовъ и начинавшіе уже выводить на мысу впереди меня батарею, вдругъ сняли орудія съ позицій и отвезли къ своему главному лагерю; потомъ пропарадировало мимо меня прикрытіе изъ 400 конныхъ туркменовъ-чаудуровъ, вооруженныхъ больше чѣмъ на двѣ трети англійскими двустольными ружьями, и человекъ изъ 300 босногорой пѣхоты въ красныхъ курткахъ, вооруженныхъ на половину фитильными ружьями, а остальные пиками, при турецкомъ барабанѣ. Такимъ образомъ они сами очистили намъ дальнѣйшій путь вверхъ. Впослѣдствіи я узналъ, что на военномъ совѣтѣ у хана, хотѣвшаго открыть по намъ огонь, одинъ изъ его наиболѣе приближенныхъ узбековъ сказалъ:

«Какая намъ польза стрѣлять въ русскихъ, которые насъ не трогаютъ? Ну, хорошо, мы убьемъ или ранимъ у нихъ нѣсколько человекъ, а потомъ что? Ут-каюкъ (огненная лодка) желѣзныи, у этихъ нечестивцевъ и желѣзо плавааетъ на водѣ, ядра наши отъ нихъ отскачатъ (отъ бортовъ толщиной въ $\frac{1}{8}$ дюйма!). Опасны не тѣ пушки, которыя мы у нихъ видимъ, а вотъ эти черныя дырочки, изъ которыхъ они пустятъ въ насъ такими штуками, что мы всѣ можемъ погибнуть!» Страшныя эти дырочки были полубортики (окошечки) для воздуха въ каютахъ.

* Какъ пѣшій артиллеристъ, онъ устроилъ хивинскому хану пѣшую артиллерию, съ весьма приличными лафетами, передками и зарядными ящиками. У ко-

Улькун-Дарья, вливающая въ Аральское море большую часть водъ Аму-Дарьи, впадаетъ въ него двумя рукавами: западный изъ нихъ называется Кичкенѣ-Дарья, а вершина раздвоенія урочище Тенкѣ-Куму, около десяти верстъ прямого разстоянія отъ моря.

Улькун-Дарья беретъ свое начало изъ заросшаго камышами озера Аиртин-Куль, наполняемаго сверху, изъ котораго протокомъ, шириною въ 15 саженъ и глубиною въ 4 сажени, вытекаетъ масса воды, раздѣляющаяся подъ прямымъ угломъ на двѣ части: вправо образуется Улькун-Дарья, а влево узкій протокъ Кульдѣнь, длиною около четырехъ верстъ, впадающій въ Талдыкъ нѣсколько ниже города Кунграда. Въ 1858 г. протокъ Кульдѣнь имѣлъ наименьшую глубину $4\frac{1}{2}$ фута, а въ 1859 г. онъ уже значительно обмелѣлъ, всего до $2\frac{1}{2}$ футъ въ половодье, и началъ заростать камышами: снабжавшая его масса воды своротила въ Улькун-Дарью.

По мѣрѣ теченія своего, Улькун-Дарья снабжается справа, чѣмъ дальше тѣмъ большими притоками изъ наполняемыхъ сверху озеръ; такъ что на три версты ниже своего начала, у деревни Менекѣн-багѣ, ширина ея около 80 саженъ и глубины 4, 5 и 6 футъ, а на 30 верстъ ниже, ширина уже отъ 120 до 180 саженъ, и глубины по 3, 4 и 5 саженъ.

Гора Кубѣ-Тау, мимо которой Улькун-Дарья дѣлаетъ длинныя изгибы, вышиною 80 футъ; на восточномъ скатѣ ея кладбище съ большими, отлично-сложенными надгробными памятниками, имѣющими видъ куполовъ, четверугольниковъ съ зубчатыми стѣнами и т. п.

Масса водъ Улькун-Дарьи продолжаетъ увеличиваться справа изъ озеръ большими притоками, которыхъ общее названіе Кук-Узйки, шириною отъ 15 до 25 саженъ, глубиною въ 6 и 7 саженъ. Берега рѣки выше горы Кубѣ-Тау, противъ Кук-Узйковъ и ниже ихъ, покрыты садами и пашнями, въ особенности лѣвый. Тамъ много домовъ, сложенныхъ, какъ всѣ здѣшнія строенія, изъ комьевъ глины и окруженныхъ тутовыми деревьями, огромными ветлами, осокорью, абрикосовыми деревьями и высочайшими пирамидальными тополями; жители осѣдлые: узбеки, сарты, каракалпаки. Вдоль закраины низменнаго берега выведена земляная плотина, удерживающая воду въ половодья и позволяющая располагать орошеніемъ, безъ котораго здѣсь ничто не родится.

ханскаго же хана устроилъ артиллерию конную бѣглый урядникъ казачей конной артиллеріи Петръ Андреевъ. Въ 1853 году, у форта Перовскаго, когда было знаменитое огаревское дѣло, она отлично высказывала на позицію, снималась съ передковъ, дѣлала заѣзды и проч., что не помѣшало ей, однако, быть взятою тогда русскими: всѣ 16 орудій и теперь въ портѣ Перовскомъ.

До отдѣленія Казак-Дарьи, на которой крѣпостца Чимбай, втекающей изъ Улькун-Дарьи вправо, въ 70 верстахъ отъ ея впаденія, масса водъ ея не уменьшается; берега, поросшіе густою чащею джиды, тальника и колючки, затопляются въ разливы; тамъ водятся кабаны и тигры, а по ночамъ оттуда слышались похожіе на отчаянный вопль ребенка крики шакаловъ. Ширина рѣки отъ 150 до 200 сажень; глубины доходили до 7 сажень, а теченіе отъ 3 до 3½ узловъ, безъ малаго 6 верстъ, въ часъ.

Ниже Казак-Дарьи берега опять суше и тверже; внутри ихъ видны обширныя пашни въ перемежку съ лугами; тутъ жители преимущественно каракалпаки; есть и киргизы, но ихъ мало.

Въ 1859 г., когда весь этотъ край былъ загнанъ грабежами туркменовъ, хозяйничавшихъ въ отложившемся отъ хивинскаго хана Кунградѣ, каракалпаки выстроили себѣ нѣсколько четверугольных земляныхъ укрѣпленій, въ которыхъ втискали свои кибитки почти вилоть одну подлѣ другой. Самое большое, въ которомъ укрывалось до 1,000 кибитокъ, было на мысѣ Тенкѣ-Куму.

Почва въ низовьяхъ Улькун-Дарьи глинисто-солонцоватая; по закраинамъ береговъ пашни, а далѣе во внутрь видѣлись табуны и стада. Каракалпаки, занимающіеся преимущественно земледѣліемъ и только для насущныхъ потребностей скотоводствомъ, казались вообще зажиточными, но киргизы большей частью весьма бѣдны; число послѣднихъ постоянно уменьшается перекочевываніями въ наши предѣлы, на Сыр-Дарью.

Въ 1859 году я проникъ изъ Улькун-Дарьи, черезъ нижній Кук-Узякъ, озера и протокъ Каробайли, въ главное русло Аму-Дарьи.

Нижній Кук-Узякъ, при впаденіи въ Улькун-Дарью, шириною около 30 сажень и глубиною 7 сажень (въ пору половодья). Поднявшись по немъ версты на 2½, я увидѣлъ, что онъ состоитъ изъ слиянія двухъ рукавовъ: начало праваго, смотря сверху, послѣ многихъ подраздѣленій, теряется въ камышахъ; но лѣвымъ, хотя узкимъ и извилистымъ, однако глубокимъ, мнѣ удалось войти въ озеро Кара-Куль. Мнѣ стоило большого труда пробираться далѣе черезъ сплошныя массы густыхъ камышей, растущихъ на глубинѣ 6 и 7 футъ: въ одномъ мѣстѣ мы пробивались цѣлый день, чтобъ пройти на паряхъ и завозахъ всего 2½ версты.

У горы Кучканъ-Тау, вышиною около 150 футъ, растетъ въ большомъ изобиліи саксаулъ. Далѣе, мимо ея, путь мой шелъ частью черезъ сплошныя камыши, частью по открытой водѣ озеръ Акъ-Куль и Мамѣтъ-Куль, въ которыхъ попадалось множество кочекъ, карягъ, твердыхъ островковъ и вершукъ зато-

пленныхъ кустовъ; мѣстами прозрачность воды позволяла видѣть на днѣ остатки прежнихъ пашень и оросительныхъ канавъ, такъ что было ясно, что мѣста эти были прежде воздѣланы, и покрылись водою или вслѣдствіе прорыва ограждавшихъ ихъ плотинъ, или отъ перемѣны русла самой рѣки. Фарватеры были часто узки, извилисты и мелки, нерѣдко меньше 4-хъ футъ глубины — то было уже въ половинѣ августа, и вода успѣла значительно понизиться.

Въ виду горы Бурли, плоской известковой возвышенности футъ въ 40 со множествомъ могилъ, чтобъ скорѣе кончить дѣло, я рѣшился оставить за собою свою главную силу, и продолжать изслѣдованіе на 12-ти-сильномъ пароходикѣ, на которомъ я и пробрался черезъ камыши въ протокъ Карабайли, а изъ него въ главное русло Аму-Дарьи.

Карабайли отдѣляется изъ Аму-Дарьи вправо, верстахъ въ 65-ти ниже города Ходжайли, и потомъ опять соединяется съ нею верстъ на 30, не доходя Кунграда. Пройденная мною часть его протекаетъ между твердыми берегами, отчасти затопленными въ половодья. Ширина его отъ 20 до 40 сажень; глубины, при значительно уже понизившейся водѣ, были 3, 4, 5 и до 7 футъ. По обѣимъ сторонамъ пашни, сады и бахчи; по закраинамъ береговъ старья, высокія ветлы, абрикосовыя деревья и пирамидальные тополи, такъ что мы шли какъ по прекрасной алеѣ; на бугоркахъ кусты гребенщика, колючки и саксаулъ.

Миновавъ развалины покинутого городка, Старый Нукусъ-базаръ, и пройдя еще верстъ пять, мы вдругъ увидѣли передъ собою, обогнувъ колѣно протока, вновь воздвигнутую крѣпость Новый-Нукусъ, съ зубчатыми стѣнами, вышиною въ 3½ сажени и съ фасадами длиною около 200 сажень. Неожиданное зрѣлище это заставило насъ приостановиться; разсмотрѣвъ, однако, что пушекъ тамъ нѣтъ, я пошелъ полнымъ ходомъ впередъ. Это было въ 8 часовъ утра, и въ базарный день; на берегу толпились множество народа; кучи лодокъ стояли противъ крѣпости съ зеленью, дровами, арбузами и дынями, мѣшками проса и ячменя, и проч. Появленіе моего пароходика было для хивинцевъ ослѣпительнымъ сюрпризомъ: вся эта толпа смотрѣла на невиданное диво въ нѣмомъ и ошалѣломъ изумленіи. Когда я уже проходилъ крѣпость, изъ нея прибѣжалъ къ берегу чиновникъ бека (коменданта), съ приглашеніемъ пристать и посѣтить его. Я отвѣчалъ, что теперь иду въ Ходжайли, но на возвратномъ пути непременно посѣщу бека, о мудрости и добродѣтеляхъ котораго я такъ много слышался. Между тѣмъ, мы довольно тихо подвигались впередъ, по неизвѣстнымъ водамъ, притыкаясь

иногда къ мелямъ; изъ крѣпости выѣхалъ на превосходномъ аргамакѣ верховой, посланный наблюдать за нами. Пройдя верстъ 14, мы добрались до начала Карабайли, гдѣ онъ отдѣляется изъ Аму-Дарьи.

Немного не доходя, я приостановился, чтобъ взять на берегу полуденную высоту солнца для широты; потомъ, войдя въ главное русло Аму-Дарьи, я прошелъ его съ поднятымъ флагомъ поперегъ отъ одного берега къ другому.

— «Эка штука, вѣдь вонъ куда забрался расейскій нашъ флагъ!» — сказалъ съ гордостью одинъ матросъ стоявшему подлѣ него кочегару. Сознаюсь, всѣ мы раздѣляли это чувство.

Въ этомъ мѣстѣ ширина рѣки, уже значительно уменьшенной отдѣленіемъ изъ нея выше рукава Кука и нѣсколькихъ малыхъ протоковъ вправо, была около 200 сажень; глубины, несмотря на значительное пониженіе воды, были отъ 5 до 7 футовъ и теченіе около 2-хъ узловъ ($3\frac{1}{2}$ верстъ въ часъ). Берега низменные; на правомъ тальникъ и джида, на лѣвомъ камышъ; жителей не было видно.

Медлить тутъ, имѣя въ тылу хивинскую крѣпость, гдѣ люди могли опомниться, было нечего; я присталъ къ мѣсту своего полуденнаго наблюденія, и взявъ высоты солнца для долготы по часовому углу; потомъ, нагнавъ сильные пары, мы полетѣли полнымъ ходомъ внизъ по теченію, и по извѣстнымъ уже мѣстамъ. Верховой, которому такъ легко было слѣдить за нами, пока мы пробирались ощупью противъ теченія, пустился вскачь; но бугристая и изрѣзанная канавами мѣстность задерживала его, и онъ отсталъ, такъ что онъ подсказывалъ къ воротамъ крѣпости, когда мы уже проносились мимо ея, и прежде чѣмъ тамъ успѣли принять противъ насъ какія-либо мѣры. Изъ крѣпости поскакали за нами хивинскій чиновникъ, въ высочайшей бараньей шапкѣ, въ яркомъ шелковомъ халатѣ, на неосѣданномъ аргамакѣ — повидимому никто тамъ не воображалъ, чтобъ мы могли воротиться такъ скоро — и кричалъ, что бекъ ждетъ меня въ гости, и приготовилъ отличное угощеніе, чтобъ я оставился и не огорчалъ его, и проч.

Я несся впередъ, отвѣчая весьма привѣтливо, что никакъ не могу посѣтить бека въ этотъ разъ, просилъ ему влаться, желалъ ему добраго здоровья и безконечныхъ радостей, и вскорѣ скрылся изъ вида. Мы только видѣли издали, какъ лошадь хивинца, подскакавъ къ широкой, наполненной водою канавѣ, вдругъ уперлась, и какъ самъ онъ съ отчаяніемъ сорвалъ съ себя шапку и въ бѣшенствѣ бросилъ ее на землю.

Такимъ образомъ, благодаря неожиданности, я прошелъ благополучно съ 18 человѣками взадъ и впередъ мимо хивинской крѣпости, въ которой, по случаю базара, было около 4,000 человѣкъ народа.

Глубина бара Улькун-Дарьи подвержена безпрестаннымъ перемѣнамъ: переходя черезъ него въ концѣ іюля 1859 г., я нашелъ на немъ только $2\frac{1}{2}$ фута воды и долженъ былъ выгрузить пароходъ дочиста, послать въ воду людей съ лопатами разгребать себѣ путь и протаскиваться впередъ шагъ за шагомъ; а въ августѣ и сентябрѣ того же года, на барѣ было 4 и $4\frac{1}{2}$ фута, и я переходилъ черезъ него какъ нельзя легче подъ парами.

Кромѣ четырехъ главныхъ устьевъ Аму-Дарьи: Айбугирскаго, Талдыка, Улькун-Дарьи и Янгысу, есть еще нѣсколько промежуточныхъ прорановъ, впадающихъ въ море, но всѣ они мелководны, незначительны, многіе обмелѣли и пересохи, и уже заросли камышами.

Плаванія мои въ дельтѣ Аму-Дарьи были ниспосланнымъ свыше спасеніемъ одной несчастной русской женщинѣ, томившейся 23 года въ самомъ тяжкомъ рабствѣ. Казачка Татьяна Бѣшенцова была захвачена въ 1836 г. вмѣстѣ съ тремя другими женщинами на сѣнокосѣ Янгильской станицы (верстъ на 200 къ сѣверу отъ Орска), шайкою киргизскихъ хищниковъ. Грудного ребенка ея при ней бросили въ рѣку, потомъ привязали ее къ лошади и умчали въ степь; черезъ мѣсяцъ она очутилась въ Хивѣ и была продана каракалпакскому бію Мулла-Мамыту. Тогда ей было 26 лѣтъ. Неизвѣстно, что случилось съ остальными товарками ея несчастія — вѣроятно умерли въ неволѣ.

Я узналъ о ней еще въ 1858 году и хотѣлъ ее выручить, но мнѣ не удалось. Въ 1859 г. я подошелъ съ пароходомъ вплоть къ аулу ея хозяина и объявилъ, что если мнѣ немедленно не выдадутъ ее, то я разгромлю аулъ и не оставлю въ немъ живой души. Мулла-Мамытъ испугался этой угрозы, которую признаюсь, я бы весьма затруднился буквально исполнить; онъ отвѣчалъ, что женщина эта теперь въ Чимбаѣ (крѣпостцѣ на Казак-Дарьѣ), гдѣ гоститъ часть его семейства, но что онъ немедленно пошлетъ за нею нарочнаго и черезъ три дня она будетъ мнѣ представлена.

«— Если не вѣришь, дѣлай что хочешь, сила на твоей сторонѣ.»

Я обѣщалъ ждать три дня, и, дѣйствительно, рано утромъ на третій день ее привезли на пароходъ. Бѣдняжка была въ лох-

мотьяхъ, вся исхудала, совершенно растерянная, озиравась въ изумленіи и не отвѣчала на вопросы и привѣтствія. Я уже подзрѣвалъ, не обманулъ ли меня Мулла-Мамытъ и не подставилъ ли какую-нибудь другую женщину вмѣсто плѣнницы, а потому велѣлъ свести ее въ жилую палубу, гдѣ были образа. Увидя иконы, она залилась слезами и начала креститься—значить, наша!

Разумѣется, что я щедро одарилъ Муллу-Мамыта, такъ что онъ не остался въ убыткѣ; матросы тотчасъ же смастерили ей бѣлье, сарафанъ, башмаки, и она долго не могла опомниться въ новой, какъ-бы волшебствомъ перемѣнившейся обстановкѣ, окруженная ласками и наслаждалась давно неиспытаннымъ покоемъ. Не слышавъ столько лѣтъ родного слова, она нескоро привыкла понимать и говорить порусски, такъ что сначала приходилось разспрашивать ее потатарски; она даже забыла свое прозваніе и сказала, что она Татьяна Мезенцова, а не Бѣшенцова.

Привезя ее въ фортъ № 1, я тотчасъ же адресовался въ штабъ оренбургскаго казачьяго войска за справками о ней и ея семействѣ. Мнѣ сообщили, что дѣйствительно въ 1836 году пропала изъ Янгильской станицы казачка Татьяна Бѣшенцова, а не Мезенцова; что мать ея еще жива, а мужъ, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того какъ она пропала безъ вѣсти, женился на другой, которая умерла годъ тому назадъ; что сынъ ея, оставшійся младенцемъ, женатъ и имѣетъ двухъ дѣтей, а дочь умерла.

Никогда не забуду выраженія ея лица, когда я объявлялъ ей эти вѣсти: она была блѣдна какъ смерть, дрожала всѣмъ тѣломъ и двѣ крупныя слезы катились по ея холоднымъ, морщинистымъ щекамъ.

Я привезъ ее въ ту же осень въ Оренбургъ. Флотилія и жители форта № 1 составили складчину, покойный генерал-губернаторъ Катенинъ и нѣкоторые изъ оренбургцевъ увеличили ее, и Татьяна была доставлена въ родную станицу въ тарантасѣ, съ комфортомъ и капиталцемъ. Впослѣдствіи мнѣ рассказывали о первомъ свиданіи ея съ 80-лѣтнею матерью, какъ обѣ упали на землю и долго-долго рыдали...

СПИСОКЪ

Астрономическихъ пунктовъ въ дельтѣ аму-дарьи.

Названія мѣстъ.	Широты.	Долготы отъ Гринвича.	Когда опредѣлены.
Мысъ Тенгѣ-Куму (раздвоеніе Улькун-Дарьи)	43° 42' 36"	59° 33' 13"	въ 1858 г.
Городъ Кунградъ	43, 4, 31,	59, 1, 18	
Начало Карабайли (протока)	42, 37, 33,	59, 12, 3	въ 1859 г.
Мысъ на озерѣ Тампынѣ-Аяге	43, 8, 47,	60, 23, 12	
Остр. Ермоловъ	43, 43, 23,	60, 21, 39	въ 1849 г.

Алексѣй Бутаковъ.

ИЗЪ ИСТОРИИ ПЕРВОБЫТНАГО ЧЕЛОВѢЧЕСТВА.

ШВЕЙЦАРСКІЯ СВАЙНЫЯ ПОСТРОЙКИ.

Dr. FERDINAND KELLER: «Pfahlbauten» въ Mittheilungen der antiquarischen Gesellschaft in Zürich.

Современныя археологическія открытія въ различныхъ частяхъ Европы и Америки, особенно же въ Даніи, Швейцаріи, Франціи и Англіи, начинаютъ проливать новый свѣтъ на исторію первобытнаго человѣка. Убѣжденіе въ позднѣйшемъ появленіи человѣка въ средѣ современныхъ намъ животныхъ принадлежало къ числу тѣхъ непоколебимыхъ догматовъ науки, которые рушались только послѣ долгой и упорной борьбы. Открытіе несомнѣнныхъ слѣдовъ существованія древнѣйшихъ народовъ въ остаткахъ ихъ костей, орудій, одеждъ и даже самой пищи долго было предметомъ кабинетнаго изученія, и фактъ существованія человѣка въ періодъ такъ-называемыхъ допотопныхъ животныхъ получилъ право гражданства въ наукѣ только въ 1862 году, на извѣстномъ аббевильскомъ съѣздѣ французскихъ ученыхъ. Послѣ многихъ споровъ были признаны за первообразъ человѣка тѣ допотопныя двуногія, кости которыхъ сохранились въ напластаніяхъ земной коры, и тѣ позднѣйшія дикія племена, которыя оставили намъ свои безмолвные памятники въ видѣ деревянныхъ, костяныхъ, каменныхъ и металлическихъ орудій. Орудія эти, ничтожны въ глазахъ практическаго человѣка, представляютъ богатый матеріалъ для изученія жизни доисторическихъ народовъ; по нимъ можно прослѣдить постепенное развитіе человѣческихъ искусствъ, начиная отъ добыванія огня, похищеннаго у молніи и неугасимо-горѣвшаго на первобытныхъ жертвенникахъ юного человѣчества, и кончая плугомъ, изобрѣтеніе котораго положило основаніе гражданскому обществу.

Развитіе наукъ и искусствъ, расширяя область человѣческихъ знаній, въ то же время соединяетъ неразрывною цѣпью самыя